

BYZANTINO-TAURICA

3

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2025

BYZANTINOTAURICA

ISSN 2949-6136

BYZANTINOTAURICA

THE JOURNAL OF BYZANTINE AND MEDITERRANEAN STUDIES

3

ISSN 2949-6136

VOL. 3

2025

Sevastopol,Simferopol
2025

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ВИЗАНТИИ
И ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

BYZANTINOTAURICA

ЖУРНАЛ ВИЗАНТИЙСКИХ И СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

3

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Оріанда издательство

Севастополь, Симферополь
2025

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

Ежегодный журнал

Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований / Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета; Национальный комитет византинистов Российской Федерации. — Севастополь; Симферополь: Н. Оріанда.

2025. Т. 3 / отв. ред. С.П. Карпов. — 2025. — 432 с., ил.

ISSN 2949–6136

В третьем томе журнала представлены работы, посвященные истории и культуре Византии, Причерноморья, Западного Средиземноморья и Руси, различным аспектам религиозной, политической, военной и культурной жизни этих регионов в позднеантичный и средневековый период, а также вопросам цифровой реконструкции архитектурных памятников и применения искусственного интеллекта в исторических исследованиях. Опубликованы статьи по всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки. Для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей Крыма, Причерноморья, Византии и Западной Европы.

УДК 94(100)«653»
ББК 63.3(0)4

ISSN 2949–6136
9 772949 613009 >

© Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета, 2025
© Коллектив авторов, 2025
© «Н.Оріанда», макет, 2025

Редакционная коллегия

Сергей Павлович Карпов (ответственный редактор) — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Средних веков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; директор Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Михаил Вячеславович Грацианский (заместитель ответственного редактора) — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; заместитель директора Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Сергей Геннадиевич Бочаров (заместитель ответственного редактора) — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Византии и Причерноморья; заведующий кафедрой Археология Севастопольского государственного университета;

Николай Николаевич Болгов — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Белгородского национального исследовательского университета; главный научный сотрудник Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Татьяна Викторовна Кущ — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Уральского федерального университета (Екатеринбург); главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Юрий Миронович Могаричев — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института археологии Крыма РАН; ведущий научный сотрудник; Институт истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета;

Александр Васильевич Подосинов — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древних языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Николай Игоревич Быстрицкий (ответственный секретарь) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; заведующий Отделом цифровых методов и исторической картографии Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета.

Редакционный совет

Михаил Дмитриевич Бухарин — академик РАН; главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва);
Николай Николаевич Крадин — академик РАН; директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН (Владивосток);
Андреа Нанетти — профессор; Венецианский институт наук, словесности и искусств (Венеция);
Владимир Дмитриевич Нечаев — доктор политических наук, ректор Севастопольского государственного университета (Севастополь);
Михаил Борисович Пиотровский — академик РАН; генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);
Ирина Федоровна Попова — член-корреспондент РАН; директор Института восточных рукописей (Санкт-Петербург);
Алексиос Саввидис — профессор Пелопонесского университета (Триполи, Греция);
Славенко Терзич — действительный член Сербской Академии Наук (Белград).

Editorial Board
Editors

Sergey Karpov (Editor-in-Chief) — Full Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair for Medieval History of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Director of the Institute of History and Archeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University;

Mikhail Gratsianskiy (Deputy Editor) — Doctor of Sciences (History), Leading Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Moscow State University; Deputy Director of the Institute of History and Archeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University;

Sergey Bocharov (Deputy Editor) — Candidate of Sciences (History), Associate Professor; Deputy Director of the Institute of History and Archeology of Byzantium and the Black Sea Region; Head department of Arcaeology of Sevastopol State University;

Nikolay Bolgov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Chair for Universal History of Belgorod State University; Chief Researcher of the Institute of History and Archeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University;

Tatiana Kushch — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Ancient and Medieval History Department of Ural Federal University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Yuriy Mogarichev — Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher of the Institute of Archaeology of Crimea of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher Director of the Institute of History and Archeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University;

Alexander Podosinov — Doctor of Sciences (History), Professor, the Head of the Department for Ancient Languages of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences;

Nikolay Bystritskiy (Editorial Secretary) — Candidate of Sciences (History), Senior Researcher of the Centre for Byzantine and Black Sea Studies in the Middle Ages of Lomonosov Moscow State University; Head of the Department of Digital Methods and Historical Cartography of the Institute of History and Archeology of Byzantium and the Black Sea Region of Sevastopol State University.

Editorial Advisory Board

Mikhail Bukharin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Sergey Kradin — Full Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivistok);

Andrea Nanetti — Professor; Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti (Venice, Italy).

Vladimir Nechaev — Doctor of Political Sciences; Rector of Sevastopol State University (Sevastopol);

Mikhail Piotrovsky — Full Member of the Russian Academy of Sciences; General Director of the State Hermitage (Saint-Petersburg);

Irina Popova — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg);

Alexios Savvides — Professor of the University of the Peloponnese (Tripolis, Greece);

Slavenko Terzić — Full Member of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade, Serbia).

Содержание

От Римской империи к России:
цивилизационные аспекты византийского пространства

Н.Н. Болгов, А.М. Болгова (Белгород) 13
Ранневизантийский Крит: города, микрорегионы, изучение
В.А. Лихошерстов (Белгород, Севастополь) 46
Церковная политика императора Ираклия
в отношении яковитского епископата Сирии
К.В. Норкин (Севастополь) 63
Император Лев III Исавр в Хронографии
Феофана Исповедника: тактики оценки
А.М. Крюков (Москва, Севастополь) 75
«Осуждать невозможно...»: еще раз о гомеровской цитате
в «Хронографии» Михаила Пселла
А.А. Роменский (Севастополь) 93
Климент Римский, Владимир Великий и другие апостолы
на Руси: загадки церковного (не)почитания
В.Л. Мыц (Санкт-Петербург) 117
Три загадки «золотых» дверей Суздальского собора
Рождества Богородицы
Л.О. Гриненко (Севастополь) 140
«Повелите, Государь, и спасите для чести и славы России
древний Херсонес». Материалы научного архива
музея-заповедника «Херсонес Таврический»
о роли А.С. Уварова и П.С. Уваровой в
изучении и сохранении памятников Херсонеса

Западное Средиземноморье в поздней Античности
и в раннем Средневековье: география, письменность, религия, война

Е.С. Гришин, Д.А. Крутов (Севастополь) 159
Географический кругозор памятников историописания V в.
как показатель информационной связанности исторического
пространства (по материалам «Галльской хроники 452 г.»,
хроники Проспера Аквитанского и Идация)
Е.В. Литовченко (Белгород, Севастополь) 200
Портреты позднеантичной эпистолографии: Аманций —
курьер Сидония
М.В. Грацианский (Москва) 209
Взгляд на судебные полномочия римской кафедры
в апелляциях Флавиана Константинопольского,
Феодорита Кирского и Евсевия Дорилейского
по завершении Эфесского собора 449 г.

А.В. Мигальников (Севастополь)..... 228
Представления папы Григория Великого о Вселенских соборах в контексте его отношений с другими Церквами
И.И. Аникьев (Севастополь)..... 250
Паломничества в Рим и полемика вокруг них в каролингскую эпоху на примере сочинений Ионы Орлеанского
В.В. Прудников (Москва)..... 262
Норманны и пизанцы: союзники и/или соперники в «священной войне» против мусульман

Татарский и генуэзский Крым в XIII–XV вв.

С.Г. Бочаров (Севастополь), **А.Н. Масловский** (Азов)..... 278
Археологические материалы как основа для датировки поселенческих структур Золотой Орды второй половины XIII в.
И.В. Кравченко (Севастополь)..... 307
Татаро-генуэзские отношения в XIII–XV вв.: попытка периодизации
П.В. Кузенков (Севастополь),
Ю.М. Могаричев (Севастополь, Симферополь)..... 318
Причерноморские саксины/саксы в западных и восточных источниках XIII в.
Л.В. Яворская (Севастополь, Москва)..... 337
К вопросу об экономической роли сельских поселений округи золотоордынского Солхата по данным археозоологических исследований
З.В. Доде (Ставрополь)..... 350
От panni tartarici к velluto broccato riccio sopra riccio: роль текстильных источников в понимании исторического контекста

Дополненная реальность и искусственный интеллект в истории и археологии

Н.И. Быстрицкий (Москва, Севастополь)..... 396
Метавселенные для исторического знания
Э.Н. Карнаушенко, Л.К. Казеннова, А.Д. Карнаушенко (Севастополь)..... 423
Мозаика Загородного храма Херсонеса: находки, утраты, реставрация, реконструкция

Contents

From the Roman Empire to Russia: Civilizational Aspects of the Byzantine Space

N.N. Bolgov, A.M. Bolgova (Belgorod)..... 13
Early Byzantine Crete: Cities, Microregions, Research

V.A. Likhosherstov (Belgorod, Sevastopol) 46
The Ecclesiastical Policy of Emperor Heraclius towards the Jacobite Episcopate of Syria

K.V. Norkin (Sevastopol) 63
Emperor Leo the Isaurian in the Chronography of Theophanes the Confessor: Evaluation Techniques

A.M. Kryukov (Moscow, Sevastopol)..... 75
"There's Nothing Shameful...": the Homeric Citation in Michael Psellos' Chronographia Revisited

A.A. Romensky (Sevastopol) 93
Clement of Rome, Vladimir the Great and Other Apostles in Rus': the Mysteries of Church (Non-)Veneration

V.L. Myts (Saint-Petersburg) 117
Three Mysteries of the "Golden" Doors of the Suzdal Cathedral of the Nativity of the Virgin

L.O. Grinenko (Sevastopol)..... 140
"Command, Sovereign, and save ancient Chersonesos for the honour and glory of Russia". Materials from the Archive of the Museum-Reserve "Tauric Chersonesos" Concerning the Role of A.S. Uvarov and P.S. Uvarova in the Study and Preservation of the Monuments of Chersonesos

The Western Mediterranean in Late Antiquity and the Early Middle Ages: Geography, Writing, Religion, War

E.S. Grishin, D.A. Krutov (Sevastopol) 159
The Geographical Horizons of 5th Century Historiography as an Indicator of Informational Connectivity of the Historical Space (Based on the Materials of the Gallic Chronicle of 452, the Chronicles of Prosper of Aquitaine an d Hydatius)

E.V. Litovchenko (Belgorod, Sevastopol)..... 200
Portraits of Late Antique Epistolography: Amantius, Sidonius' Letter Bearer

M.V. Gratsianskiy (Moscow) 209
A View of the Judicial Powers of the Roman See in the Appeals of Flavian of Constantinople, Theodoret of Cyrus, and Eusebius of Dorylaeum after the Conclusion of the Council of Ephesus in 449

A.V. Migalnikov (Sevastopol) 228
Pope Gregory the Great's Views on the Ecumenical Councils in the Context of His Relations with Other Churches
I.I. Anikyev (Sevastopol) 250
Pilgrimages to Rome and the Controversy Around Them in the Carolingian Era, as exemplified by the Writings of Jonah of Orleans
V.V. Prudnikov (Moscow)..... 262
Normans and Pisans: Allies and/or Rivals in the "Holy War" against the Muslims

Tatar and Genoese Crimea in the 13th–15th Centuries

S.G. Bocharov (Sevastopol), **A.N. Maslovskiy** (Azov)..... 278
Archaeological Materials as a Basis for Dating the Settlement Structures of the Golden Horde in the Second Half of the 13th Century
I.V. Kravchenko (Sevastopol)..... 307
Tatar-Genoese Relations in the 13th–15th Centuries: An Attempt at Periodization
P.V. Kuzenkov (Sevastopol),
Y.M. Mogarichev (Sevastopol, Simferopol)..... 318
Black Sea Saxi / Saksin in Western and Eastern Sources of the 13th Century
L.V. Yavorskaya (Sevastopol, Moscow) 337
The Issue of the Economic Role of Rural Settlements in the Area of the Golden Horde Solkhat According to Archaeozoological Research Revisited
Z.V. Dode (Stavropol)..... 350
From panni tartarici to velluto broccato riccio sopra riccio: The Role of Textile Sources in Understanding the Historical Context

Augmented Reality and Artificial Intelligence in History and Archaeology

N.I. Bystritskiy (Moscow, Sevastopol)..... 396
Metaverse in Historical Studies
E.N. Karnaushenko, L.K. Kazennova, A.D. Karnaushenko (Sevastopol) 423
The Mosaics of the Suburban Church at Chersonesos: Discoveries, Losses, Restoration, and Reconstruction

BYZANTINOTAURICA
Журнал византийских и средиземноморских исследований
ISSN 2949–6136
2025. Т. 3
С. 209–227

BYZANTINOTAURICA
The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies
ISSN 2949–6136
Vol. 3: 2025
P. 209–227

Научная статья

Взгляд на судебные полномочия римской кафедры в апелляциях Флавиана Константинопольского, Феодорита Кирского и Евсевия Дорилейского по завершении Эфесского собора 449 г.

Михаил Вячеславович Грацианский

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник; Лаборатория по изучению стран Причерноморья и Византии в Средние века; Исторический факультет; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4, 119192 Москва; gratsianskiy@mail.ru

Аннотация: В конце лета 449 г. завершился Вселенский собор в Эфесе, собранный по инициативе императора Феодосия II (408–450). В его работе приняла участие Римская Церковь посредством отправки легатов. Собор принял решения, в результате которых подверглись осуждению Флавиан Константинопольский, Феодорит Кирский и Евсевий Дорилейский. Осужденные направили папе Льву Великому (440–461) апелляции, в которых призывали римского епископа инициировать пересмотр решений Эфесского собора. Статья посвящена анализу текстов апелляций, которые сохранились в одном случае в оригинале на греческом языке и в двух случаях в переводе на латинский. Задачей статьи является выяснение того, какую процедуру предусматривали апеллянты для пересмотра вынесенного в их адрес приговора, как они видели возможную роль в нем Римской Церкви и римского епископа

© Грацианский М.В., 2025

и как они оценивали место римской кафедры во Вселенской Церкви. Во всех этих пунктах их подходы имеют существенные различия, оценка которых в целом дает важное представление о взгляде крупных церковных иерархов на место и авторитет римского престола и их восприятии компетенции римской кафедры как апелляционной инстанции по церковным делам.

Ключевые слова: Эфесский собор 449 г., церковное судопроизводство, Римская Церковь, римская кафедра, император Феодосий II, папа Лев Великий, Флавиан Константинопольский, Феодорит Кирский, Евсевий Дорилейский.

Цитирование: *Грацианский М.В.* Взгляд на судебные полномочия римской кафедры в апелляциях Флавиана Константинопольского, Феодорита Кирского и Евсевия Дорилейского по завершении Эфесского собора 449 г. // Byzantinotaurica. Журнал византийских и средиземноморских исследований. 2025. Т. 3. С. 209–227.

Original article

A View of the Judicial Powers of the Roman See in the Appeals of Flavian of Constantinople, Theodoret of Cyrus, and Eusebius of Dorylaeum after the Conclusion of the Council of Ephesus in 449

Mikhail V. Gratsianskiy

Doctor of Sciences (History), Leading Researcher; Centre for Byzantium and the Black See Region Studies; Historical Faculty; Moscow State University; 27/4 Lomonosov Ave., 119192 Moscow, Russian Federation; gratsianskiy@mail.ru

Abstract: In late summer 449, the Ecumenical Council of Ephesus, convened on the initiative of Emperor Theodosius II (408–450), concluded. The Roman Church took part in its work by sending legates. The Council made decisions that resulted in the condemnation of Flavian of Constantinople, Theodoret of Cyrus, and Eusebius of Dorylaeum. The condemned sent appeals to Pope Leo the Great (440–461), in which they called on the Roman bishop to initiate a review of the decisions of the Council of Ephesus. The article is dedicated to the analysis of the texts of the appeals, which have been preserved in one case in the original Greek and in two cases in Latin translation. The objective of the article is to clarify what procedure the appellants envisaged for reviewing the sentence passed on them, how they saw the possible role of the Roman Church and the Roman bishop in it, and how they assessed the place of the Roman see in the Ecumenical Church. On all these

© Gratsianskiy, M.V., 2025

points their approaches have significant differences, the assessment of which as a whole gives an important idea of the view of the major church hierarchs on the place and authority of the Roman see and their perception of the competence of the Roman see as a court of appeal in ecclesiastical matters.

Keywords: Council of Ephesus 449, church proceedings, Roman Church, Roman see, Emperor Theodosius II, Pope Leo the Great, Flavian of Constantinople, Theodoret of Cyrus, Eusebius of Dorylaeum.

For citation: Gratsianskiy, M.V. "A View of the Judicial Powers of the Roman See in the Appeals of Flavian of Constantinople, Theodoret of Cyrus, and Eusebius of Dorylaeum after the Conclusion of the Council of Ephesus in 449." *Byzantinotaurica: The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies* 3 (2025). P. 209–227 (in Russian).

Эфесский собор 449 г. с легкой руки папы Льва Великого (440–449) уже в древности стал именоваться «разбойничьим», каковое название за ним закрепилось и в современной историографии[1]. Собор, созванный императором Феодосием II (408–450) в качестве Вселенского, был созван с ведома римского понтифика, который, хотя и не считал его проведение необходимым, принял в нем участие посредством своих легатов. Легаты, снабженные ограниченными и довольно жесткими инструкциями, заняли в ходе Собора неконструктивную позицию и при этом пренебрегли своими обязанностями по доставке папских посланий и информированию императорского двора и участников Собора о позиции римского престола: они не передали адресатам папские послания и другие документы, покинули Собор тайно, без ведома его председательствующих и без разрешения императора, по приезде в Рим распространили ложные сведения об обстоятельствах его проведения и собственного поведения. Тем самым

[1] О Соборе см.: *Hefele Ch.J.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. T. 2. Pt. 1. Paris: Letouzey et Ané, 1908. P. 499–621; *Schwartz E.* Der Prozess des Eutyches // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung. Jahrg. 1929. H. 5. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1929. S. 53–93; *Camelot P.Th.* Éphèse et Chalcédoine. Paris: Éditions de l'Orante, 1962. P. 70–114; *De Vries W.* Das Konzil von Ephesus (449), eine Räubersynode? // Orientalia Christiana Periodica. 1975. Vol. 41. S. 357–398; *Horn St.O.* Petrou Kathedra. Der Bischof von Rom und die Synoden von Ephesus (449) und Chalcedon. [Konfessionskundliche und kontroverstheologische Studien; 45]. Paderborn: Verlag Bontfatius-Druckerei, 1982. P. 50–71; *Leuenberger-Wenger S.* Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert. [Supplements to Vigiliae Christianae; 153]. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 46–56; *Menze V.L.* Patriarch Dioscorus of Alexandria. The Last Pharaoh and Ecclesiastical Politics in the Later Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 2023. P. 98–140.

Эфесский собор 449 г. в целом завершился к вящему ущербу авторитета римской кафедры, причем основные действующие лица, на содействие которых рассчитывал римский епископ в преддверии Собора, оказались не на его стороне[2].

Непосредственным следствием этого Собора оказалась попытка пострадавших от его решений лиц — Флавиана Константинопольского, Феодорита Кирского и Евсевия Дорилейского — обратиться с апелляциями к римскому папе и инициировать новое разбирательство на этот раз в Италии и под папским председательством. Мотивы этих апелляций вполне очевидны, однако представление жалобщиков о правах и полномочиях римской кафедры как возможной апелляционной инстанции представляется интересным и будет служить предметом изучения в данной статье.

Трое пострадавших от решений Собора иерархов в сложившихся обстоятельствах не имели другой возможности попытаться поправить свое положение, кроме как обратиться к единственной крупной кафедре, не поддержавшей соборных решений[3]. Уже в конце лета или начале осени 449 г. в Риме были получены обращения низложенных на Соборе иерархов — Евсевия Дорилейского и Феодорита Кирского, в то время как апелляционное заявление Флавиана Константинопольского в Рим доставил сам диакон Илар после своего бегства из Эфеса[4]. Тексты обращений по счастью сохранились: Евсевия и Флавиана в латинском переводе, а Феодорита — как в греческом оригинале, так и в латинском переводе.

---

[2] Подробности этих событий см. в наших публикациях: *Грацианский М.В.* Римская кафедра в преддверии Эфесского собора 449 г. // Византийский клуб. Альманах. 2025. К 60-летию профессора Н.Н. Болгова. Белгород: Эпицентр, 2025. С. 86–98; *Он же*. Подготовка папы Льва Великого к участию в Эфесском соборе 449 г. по материалам его переписки // ΔΙΔΑΣΚΑΛΟΣ ΚΑΙ ΣΟΦΟΣ. Сборник статей к 90-летию И.П. Медведева / Под редакцией Л.А. Герд. [Труды Санкт-Петербургского института истории РАН. Т. 9]. СПб.: Индрик, 2025. С. 126–140; *Он же.* Участие римской кафедры в Эфесском соборе 449 года // Исторический вестник. 2025. Т. 54. (*в печати*).

[3] См.: *Jalland T.* The Life and Times of St. Leo the Great. London; New York: The Macmillan Company, 1941. P. 246. Справедливо признавая, что у осужденных уже не имелось других возможностей попытаться оспорить вынесенный против них приговор, кроме как в Риме, Т. Джэллэнд вместе с тем приводит совершенно необоснованное утверждение, что статус римского престола как «апелляционной инстанции по вопросам вероучения» был на Востоке «общепринят». Отметим, что понятие «апелляционной инстанции по вопросам вероучения» противоречит как юридическим нормам, так и самой сути дела. В Рим, бывало, обращались деятели с Востока, чтобы в спорах о вере привлечь его на свою сторону, однако это не делало из Рима «апелляционной инстанции».

[4] См.: *Грацианский М.В.* Участие римской кафедры...

Можно было бы ожидать, что, в отличие от фразеологии обычных посланий, которые направлялись римскому епископу в рабочем порядке и в более спокойных ситуациях, тексты обращений будут исполнены превозношениями в адрес римской кафедры и ее епископа лично, а также признанием ее исключительного статуса. Но это далеко не так, и отношение к месту и роли римского епископа, а также восприятие его положения во «Вселенской Церкви» проявляется в трех документах весьма по-разному и далеко не в равной мере.

Флавиан Константинопольский во время начальной фазы кризиса вокруг Евтиха писал Льву в достаточно сухом и деловом тоне, без указания на какие-либо особые прерогативы римской кафедры, и четко давал понять о нежелательности ее вмешательства в решенный константинопольским Собором вопрос[5]. Теперь же в тексте апелляции единственным признаком особого отношения Флавиана к римскому предстоятелю, намекающим на определенную иерархическую соотнесенность, было, пожалуй, именование римского епископа «отцом». Флавиан направляет «апостольское обращение» (apostolica appellatione)[6] ко Льву, прося последнего прийти на помощь святым отцам Востока в ситуации, когда «всё было запутано, разрушены церковные устроения, погибло то, что относится к вере, благочестивыми душами владеет раздор, вера именуется уже не [верой] отцов, а попранной ** епископом Александрийской Церкви Диоскором и теми, кто мыслит то же, и вера проповедуется и называется уже

---

[5] См.: *Грацианский М.В.* Римская кафедра в преддверии Эфесского собора... С. 93–97.

[6] Данное выражение выглядит на первый взгляд довольно простым, однако его однозначная трактовка сомнительная. Прежде всего для существительного appellatio напрашивается перевод «апелляция», который должен раскрывать назначение послания Флавиана. Однако выражение «апостольская апелляция» следует понимать, как «апелляция к апостольскому престолу», но этот смысл не вытекает из данного словосочетания, поскольку в нем обозначен признак или качество апелляции, а не ее адресат (т. е. «апелляция [от] апостола», а не «апелляция к апостолу»). Помимо этого, в техническом смысле обжалование дела в латинской терминологии гораздо чаще именовалось «provocatio» и потому наиболее точным и недвусмысленным выражением был бы греческий аналог выражения ad sedem apostolicam provocatio, если бы Флавиан желал выразиться максимально точно. Ср.: *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. По изданию 1896 года. М.: Спарк, 1997. С. 54, 449. В напрашивающемся значении «апелляция к апостольскому престолу» выражение Флавиана трактует Ш. Хорн, однако он не отмечает странности конкретного выражения: он даже полагает, что в данном случае Флавиан напоминает о «топосе путешествия Петра с Востока на Запад» (Topos von der Reise des Apostels Petrus vom Osten zum Westen). См.: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 83 и Anm. 24. Мы со своей стороны затрудняемся сказать, была ли не отмеченная в Писаниях и пропагандируемая Римом идея о путешествии Петра на Запад топосом для Востока.

евтихиевой»[7]. Далее Флавиан дает краткий очерк того, что произошло на Эфесском соборе, рисуя в самых черных красках произвол, творимый, по его мнению, Диоскором Александрийским, процедуру оправдания Евтиха и осуждения его противников[8]. Флавиан специально указывает, что Диоскор не дал озвучить «Томос» Льва к Флавиану, которого было «достаточно для утверждения веры отцов» (sufficiant ad confirmationem patrum fidei). Произошли «все беды: беспорядок, восстановление осужденного, осуждение меня, невинного, который верил, что завет отцов ни в коем случае не может быть обойден»[9]. Именно тогда, продолжает Флавиан, когда «как будто по какому-то сговору творились против меня все обиды, после того несправедливого приговора, который он против меня вынес, как ему захотелось, а я стал взывать к трону апостольского престола первого среди апостолов Петра и ко всему блаженному Собору, который под Вашей святостью, тут же окружает меня множество военных и не позволяет мне, когда я захотел, прибегнуть ко святому алтарю, но силится повлечь из церкви»[10].

В завершении своего горестного повествования Флавиан формулирует суть своего обращения к епископу Римскому: «Итак, я прошу Вашу святость, чтобы Вы не допустили небрежения тем, что относительно меня сотворено по невежественному и неистовому совету, — ибо не существует причин, которые могут быть поставлены мне как-то в вину, — но прежде всего восстали за дело нашей правой веры, которая погибла по прихоти некоторых, а затем из-за ниспровержения церковных постановлений позаботились просто рассказать обо всем как народу, который превосходит своим числом, так и осведомить соответствующими письмами христолюбивого нашего императора, а также написать клиру святой

---

[7] Acta conciliorum oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. II. Vol. II. Pars I. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1933. P. 77.11–15: ecce enim confusa sunt omnia, solutae sunt ecclesiasticae ordinationes, perierunt ea quae sunt fidei, dissensione retinentur piae animae, iam non patrum nominatur fides, sed conculcata ** ab Alexandrinae ecclesiae episcopo Dioscoro et eorum qui haec sapiunt una cum ipso, Eutychianam iam praedicari et nominari fidem. (Далее: ACO. II.2.1).

[8] Анализ этой части послания см. в: *Horn St.O.* Petrou Kathedra. S. 76–77. См. о том же предельно кратко: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft. Bd. 1. Tübingen: Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1930. S. 488; *Jalland T.* The Life and Times... P. 242–243.

[9] ACO. II.2.1. P. 78.29–30: omnia mala, perturbatio, restitutio damnati, damnatio innocentis, qui in nullo sanctionem patrum credidi praetergrediendam.

[10] ACO. II.2.1. P. 78.30–35: et cum uelut ex condicto quodam omnia aduersum me iniqua procederent, post illam iniustam uocem quam contra me emisit, sicut ipsi placuit, me appellante thronum apostolicae sedis principis apostolorum Petri et uniuersam beatam quae sub uestram sanctitatem est synodum, statim me circumuallat multitudo militaris et uolentem me ad sanctum altare confugere non concessit, sed nitebatur de ecclesia trahere.

Константинопольской Церкви и богобоязненным монахам, и кроме того, Ювеналию, епископу иерусалимцев, Фалассию Кесарии Каппадокийской, Стефану Эфесскому, Евсевию Анкирскому, Киру Афродисийскому и прочим святым епископам, которые по дурному совету дали согласие против меня Диоскору, который на святом Соборе в Эфесе держал первенство, и вынести решение, на которое Бог вдохновит Ваш разум, чтобы, собрав вместе как западный, так и восточный Собор отцов, исповедать единую повсюду веру, дабы возобладали заветы отцов, а всё, что было совершено плохо и некоторым образом не без туманной насмешки, могло быть признано утратившим силу и разрушено»[11].

Итак, обращение Флавиана является весьма примечательным, а в ряде отношений даже единственным в своем роде документом[12]. С одной стороны, столичный предстоятель именует папу Льва отцом и сообщает, что уже на самом Эфесском соборе пытался в весьма бурных обстоятельствах взывать к тому, что в латинском переводе его апелляционного послания избыточно представлено как «трон апостольского престола первого среди апостолов Петра»[13]. Указанная констатация вполне гармо-

---

[11] ACO. II.2.1. P. 78.39–79.11: Oro itaque uestram sanctitatem ne obdormire patiamini super his quae insipienti et furioso consilio circa me gesta sunt, cum nullae praecedant causae quae me in reatum aliquem adducant, sed insurgere primum quidem in causa rectae fidei nostrae, quae quorundam libidine deperiit, deinde propter euersionem ecclesiasticarum constitutionum curam facere et simpliciter per omnia narrare tam plebi quae numero praecellit quam amatorem Christi imperatorem nostrum litteris quae competunt, edocere, scribere etiam clero sanctae Constantinopolitanae ecclesiae et religiosissimis monachis nec non et Iuuenali Hierosolimorum episcopo et Thalassio Caesariae Cappadociae, Stephano quoque Ephesiensi et Eusebio Anquiritano et Cyro Afrodisiensi et reliquis sanctis episcopis qui consensum super prauo consilio aduersum me praebuerunt Dioscoro [uel], qui uelut principatum sanctae synodi apud Ephesum tenuit, dare etiam formam quam deus uestrae menti inspirabit, ut tam Occidentali quam etiam Orientali in unum facta patrum synodo similis ubique praedicetur fides, ut praeualeant sanctiones patrum, in inritum uero deduci ualeant atque dissolui omnia quae male et umbratili non sine lusu quodam modo gesta sunt.

[12] Ср. аналитический пересказ завершающей части послания в: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 78–83.

[13] Удивительно, что перевод этой очевидно простой фразы представлен в довольно странном виде, где лишними оказываются целых два слова — thronus, apostolicam. Что-то здесь очевидно является интерполяцией: Флавиан должен был сказать либо «к престолу первого среди апостолов Петра», либо «к апостольскому престолу». Странно, если переводчик, который вполне ясно передал содержания письма, не создав в нем при переводе темных мест, в данном случае запутался в прозрачной фразе. Нельзя исключить тем самым попытки последующего не совсем удачного редактирования с целью усилить проримскую фразеологию письма Флавиана. Ср.: *Wojtowytsch M.* Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile. [Päpste und Papsttum; 17]. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1981. S. 323.

нирует с осознанием себя константинопольским престолом как второй по чести епископской кафедрой Империи после римской, впервые зафиксированным в 5-м каноне Константинопольского собора 381 г., и является возможным свидетельством того, что и до принятия 28-го правила в Халкидоне 451 г. столичные епископы придерживались этой нормы. Однако следует принять во внимание, что в конкретной ситуации Собора 449 г. у Флавиана не оставалось никаких других возможностей для начала процесса обжалования несправедливого, по его мнению, приговора: все остальные крупные кафедры были или явно против него, или, как антиохийская, сами оказались пострадавшей стороной[14].

Вполне замысел и содержание обращения Флавиана раскрыты в пространной фразе в конце письма. Исходя из его формулировки, по нашему мнению, нельзя вести речь о том, что оно является в юридическом смысле апелляцией. Низложенный столичный архиерей явно не рассматривает римскую кафедру в качестве более высокой судебной инстанции: он не просит ни ее, ни Римский собор провести суд для пересмотра решений Эфесского собора[15]. Содействие этих институций требуется в другом: принять меры к разъяснению среди епископата и верующего народа ошибочности эфесских приговоров, а также принять меры к созыву более масштабного Собора с широким представительством Запада и Востока[16]. Из этого очевидно, что Флавиан не рассматривал Эфесский собор 449 г. как в подлинном смысле Вселенский, несмотря на то, что именно так он официально и был именован и в таком качестве воспринимался всеми участниками, а также, что самое главное, императором. Если в 431 г. для того, чтобы придать своему Собору характер Вселенского, сторонники Кирилла Александрийского указывали на широкое географическое представительство на своем Соборе, а присутствие трех римских легатов подавали как полноценное участие

[14] См.: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 81.

[15] Такой вывод представлен уже Э. Каспаром: «Примат юрисдикции, на основании которого один только папа мог бы отменить приговор имперского Собора, был совершенно чужд как самому апеллянту, так и всем тогдашним правовым воззрениям: согласно им приговор одного Собора мог быть устранен только бóльшим Собором» (*Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 492). То же без ссылки на Каспара или другую литературу см. в: *Wojtowytsch M.* Papsttum und Konzile... S. 324.

[16] Ш. Хорн правильно отмечает, что Флавиан как будто бы допускает возможность того, что Лев сам может созвать новый Собор, прося последнего «вынести решение, на которое Бог вдохновит Ваш разум, чтобы, собрав вместе как западный, так и восточный Собор отцов, исповедать единую повсюду веру», однако по умолчанию очевидно, что такая мера не могла быть осуществлена без императора. См.: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 81–82. И действительно, первым действием Льва было обращение от имени Римского собора к императору с призывом повелеть о проведении такого Собора.

Запада[17], то аналогичная ситуация на Соборе 449 г., по мнению Флавиана, не обеспечивала полноценного представительства Запада и тем самым давала ему возможность указывать на недостаточную компетентность этого Собора[18].

То есть, признавая апостольский характер римской кафедры и, предположительно, даже определенное превосходство римского епископа над собой, Флавиан не считает соборный суд римского епископа компетентным в пересмотре его дела и не делает попытки обратиться к нему, понимая ее институциональную беспреспективность. Данный подход весьма красноречиво характеризует пределы компетенции римской кафедры, как они осознавались современниками[19].

Вместе с Флавианом обращение в Рим направил и Евсевий, епископ Дорилейский, — инициатор кризиса, в свое время внезапно обратившийся к Флавиану Константинопольскому с иском против столичного монаха Евтиха. Его послание уже вполне можно считать полноценной апелляцией, поскольку оно взывает именно к суду римского епископа и его Собора[20]. Оно выдержано в других тонах и построено во многом иначе. Также в нем присутствует иная оценка возможностей и статуса римского престола.

В надписании послания имеется лакуна, в силу чего остается неизвестным, обратился ли Евсевий только к папе Льву, которого он, как и Флавиан, называет отцом, или адресатом также являлся Римский собор. По ходу письма Евсевий преимущественно обращается к одному Льву, однако примерно в середине очередной пассаж вводится обращением

---

[17] См. об этом: *Грацианский М.В.* Эфесский собор 431 г.: между «отступническим синедрионом» и «Вселенским собором» // Античная древность и Средние века. 2024. Т. 52. С. 83–100.

[18] На основании этого Ш. Хорн допускает мысль, что, согласно Флавиану, римского присутствия на Соборе 449 г. было недостаточно, чтобы полноценно представлять Запад. См.: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 80–81. В сущности, такая констатация вполне логично вытекает из текста Флавиана в части предложения формата нового Собора. Показательно из дальнейшего, что Лев с ним согласился, тем самым косвенно признав, что полноценного представительства Запада на Соборе 449 г. действительно не было.

[19] Признавая данные обстоятельства, Э. Каспар, тем не менее, считает сам факт подачи апелляции в Рим столичным предстоятелем триумфом лично Льва и в целом папства. См.: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 491–492. Между тем, он не называет триумфом факт обращения Евсевия Дорилейского и Феодорита Кирского, которые прямо заявили, что суд Римского собора считают по сути дела более высоким, чем суд состоявшегося Вселенского собора. Каспару вторит М. Войтовыч: *Wojtowytsch M.* Papsttum und Konzile... S. 323.

[20] См.: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 488; *Jalland T.* The Life and Times... P. 243–244; *Wojtowytsch M.* Papsttum und Konzile... S. 324.

«справедливейшие и праведнейшие отцы», что, конечно же, является обращением к Собору. Уже в самом начале Евсевий указывает на традиционную, по его мнению, роль римской кафедры как хранителя и защитника веры: «Издавна и изначально апостольский престол имел обыкновение[21] защищать тех, кто претерпевал несправедливое, помогать тем, кто столкнулся с неизбежными расколами, и поднимать тех, кто лежал на земле, согласно возможности, которую вы имеете: ведь вы обладаете состраданием ко всем людям. В деле же веры, поскольку вы придерживаетесь правого мнения и сохраняете непоколебленной веру в Господа нашего Иисуса Христа, воздаете вы всем братьям и всем названным во имя Христово неподдельную любовь»[22]. Таким образом, для Евсевия обращение к Риму оказывается «единственной после Господа оставшейся помощью» (ad solum post domini relictum auxilium). Изложив подобно Флавиану историю возникновения евтихианского кризиса, инициативу которого он целиком берет на себя, его разрешения на Константинопольском соборе и «внезапного» (repente) продолжения по приказу императора дела в Эфесе, Евсевий подробно перечисляет, какие угрозы, надругательства и несправедливости претерпел он сам в ходе последнего Собора. Главное, чего он требовал и чего не добился в Эфесе, было допущение к соборным слушаниям и защита собственной позиции, в которых ему было отказано[23]. Более того, он подвергся заключению, во время которого его сторожили солдаты.

---

[21] М. Войтович верно замечает, что данное выражение наглядно демонстрирует отношение Евсевия к практике обращения в Рим за решением спорных дел: это не регулярное обращение для пересмотра дела в формальной высшей инстанции, а просто обычай. См.: *Wojtowytsch M.* Papsttum und Konzile... S. 326. Если развить эту мысль дальше, то Евсевий, скорее, отождествлял римский суд с судом авторитетного арбитра (третейского судьи, патрона), нежели с регулярным судом судебной инстанции (с поправкой, конечно же, на то, что третейский суд не предусматривал апелляцию на свое решение и не рассматривал апелляционные иски).

[22] ACO. II.2.1. P. 79.20–22: Desuper et ab exordio consueuit thronus apostolicus iniqua perferentes defensare et eos qui in ineuitabiles factiones inciderunt, adiuuare et humi iacentes erigere secundum possibilitatem quam habetis; conpassionem enim supra uniuersos homines possidetis. causa autem rei quod sensum rectum tenetis et inconcussam seruatis erga dominum nostrum Iesum Christum fidem nec non etiam indissimulatam uniuersis fratribus et omnibus [in] nomine Christi uocatis tribuitis caritatem.

[23] В. де Фриз подчеркивает, что Евсевий не был допущен на заседание распоряжением императора. См.: *De Vries W.* Das Konzil von Ephesus... S. 382. Ш. Хорн отмечает сосредоточенность Евсевия на несправедливости, допущенной лично в его адрес, и отсутствие более общих жалоб касаемо вопроса о правой вере. См.: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 97.

Ввиду всего произошедшего с ним, Евсевий подал апелляционный иск (libellos apellationis) представителям Рима прямо в Эфесе, в котором запросил о дознании со стороны римской кафедры (in quibus uestrae sedis cognitionem poposci)[24]. Теперь же Евсевий запрашивал у Римского собора следующее: «Произнесите, чтобы было отменено и утратило действие несправедливое осуждение, вынесенное богобоязненнейшим епископом Диоскором и теми, кто против воли согласился с его желанием, вернув мне епископский сан и ваше общение вашими письмами, данными моей малости, посредством которых вы предоставите и сан, и общение[25]. Добившись этого, я возблагодарю Господа нашего правителя и спасителя Христа за вас, богобоязненнейшие отцы!»[26].

Таким образом, обращение Евсевия содержит совершенно иной тип просьбы: это именно апелляционный иск в инстанцию, которая, по мнению истца, имеет возможность провести самостоятельное расследование, отменить приговор другой инстанции и вернуть истцу тот сан и положение, которого он лишился в результате предварительного осуждения. На основании этого текста, невозможно сказать, согласовывал ли Евсевий свои действия с низложенным Флавианом Константинопольским,

---

[24] То есть в данном случае речь идет о новом обращении Евсевия к папе и Римскому собору, которое было направлено, как он говорит ниже, через пресвитера Хрисиппа и диакона Константина: ACO. II.2.1. P. 81.8–10. См.: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 488; *Jalland T.* The Life and Times... P. 243. *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 96 и Anm. 64 (исправления неточности Э. Каспара, не распознавшего, что речь в случае этого письма Евсевия идет о втором обращении в Рим по вопросу апелляции).

[25] Данное выражение в адрес Римского собора является прямым запросом о повторном рассмотрении дела и вынесении нового приговора. В этой связи нам не вполне ясен вывод Ш. Хорна: «Иначе, нежели Флавиан или Феодорит, Евсевий не дает понять, ожидает ли он в качестве ответа на свою аппелляцию приговор Римского собора» (Anders als Flavian oder Theodoret ließ Eusebius nicht erkennen, ob er als Antwort auf seine Appellation ein Urteil der römischen Synode erwartete: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 98). Очевидно, что именно этого Евсевий и ждет. С другой стороны, Флавиан-то как раз и не ждал приговора Римского собора, прося папу и его Собор ходатайствовать о созыве нового Вселенского собора. Со своей стороны, в полемике с П. Батиффолем Э. Каспар признает данное требование Евсевия не соответствующим «юридическим формам» (juristische Formen). См.: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 491 и Anm. 3. Ср.: *Batiffol P.* Le siège apostolique (359–451). Paris: Librairie Victor Lecoffre, 1924. P. 516–517.

[26] ACO. II.2.1. P. 81.20–22: pronuntiate euacuari et inanem fieri meam iniquam condemnationem a religiosissimo episcopo Dioscoro et eorum decretam qui inuiti consenserunt eius uoluntati, reddentes mihi dignitatem episcopatus et uestram communionem litteris uestris ad meam exiguitatem datis, quibus et dignitatem repraesentetis et communionem. quibus impetratis gratias agam domino nostro rectori et saluatori Christo pro uobis, religiosissimi patres.

однако следует отметить, что свою первую апелляцию он подал «по горячим следам» еще в Эфесе и подал ее легатам папы, как он сам об этом и упоминает[27].

И, наконец, третье послание, возникшее, очевидно, независимо от двух упомянутых выше, принадлежит Феодориту Кирскому[28]. Оно является наиболее своеобразным, поскольку помимо изложения дела, отличается также высокими литературными достоинствами, в силу чего его едва ли можно считать простым апелляционным иском. Среди прочего оно отличается, пожалуй, единственной в своем роде внешней оценкой положения и достоинства римской кафедры, причем эта оценка выражена в достаточно нетривиальном аспекте.

Именно с нее Феодорит начинает свое послание: «Если Павел, глашатай истины, труба Всесвятого Духа, прибег к великому Петру, чтобы принести от него решение для тех, кто в Антиохии сомневался по поводу жительства согласно закону, то еще скорее мы, простые и малые, прибегаем к Вашему апостольскому престолу для того, чтобы от Вас получить лечение для ран Церквей. Во всем Вам приличествует первенствовать, ибо многими достоинствами украшается Ваш престол. Ведь прочие города

---

[27] Особенностью дальнейшего развития ситуации с Евсевием было то, что он единственный из апеллянтов 449 г. прибыл лично в Рим, откуда в 451 г. был направлен в Халкидон для окончательного рассмотрения его дела Вселенским собором. См. послание Льва к Анатолию Константинопольскому от 13 апреля 451 г.: Acta conciliorum oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. T. II. Vol. IV. Berlin; Leipzig: Walter de Gruyter, 1932. P. 40.13–18 (illud quoque dilectionem tuam nosse uolumus fratrem et coepiscopum nostrum Eusebium, qui causa fidei multa discrimina laboresque tolerauit, nobiscum interim demorari et in nostra nunc communione persistere. cuius ecclesiam tua sollicitudine uolumus esse defensam, ut et nihil eadem absente depereat et nullus ei in aliquo praeiudicare praesumat, donec cum litterarum nostrarum ad uos prosecutione perueniat). На основании этого пассажа Ш. Хорн утверждает, что к тому моменту «апостольский престол» уже вынес свой приговор о Евсевии: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 97 (In diesem Augenblick habe der Apostolische Stuhl schon ein Urteil gefällt). Между тем, из приведенного пассажа никак не следует, что Римский собор произвел в отношении Евсевия суд и вынес приговор. С другой стороны, очевидно, что папа Лев был целиком на стороне Евсевия, однако стремился лишь к тому, чтобы до рассмотрения дела на Халкидонском соборе никакого «предварительного суждения» (praeiudicare) по его делу не было. Здесь видно, что Лев не пытается оспорить судебные компетенции Вселенского собора в пользу таковых «апостольского престола» и Римского собора. Можно отметить, что из всего, чего Евсевий пытался добиться от Римского собора, ему было предоставлено только общение с римским престолом, всё остальное Лев предоставил суду Вселенского собора, на созыве которого ради рассмотрения вопросов веры и поданных апелляций он настаивал еще перед Феодосием.

[28] См.: *Théodoret de Cyr*. Correspondence / Texte critique, traduction et notes par Y. Azéma. T. 3. [Sources chrétiennes; 111]. Paris: Les éditions du CERF, 1965. Ep. 113. P. 56–67; Leonis ep. 52 // Patrologia Latina. T. 54. Col. 847–854.

украшает либо величина, либо красота, либо множество жителей; некоторые, лишенные этого, делаются славными через духовные дары: Вашему же [городу] Податель благ дал изобилие благ. Ибо он — всех величайший и славнейший, председательствующий во Вселенной, и изобилующий множеством жителей. К тому же, и ныне предержащему правлению он дал росток, а подданным передал собственное имя. Особенно же украшают его вера и надежный свидетель, божественный апостол, восклицающий *о вере вашей известно во всем мире*[29]! Если, сразу же приняв семена спасительной веры, он отяжелился этими отрадными плодами, то какого слова хватит, чтобы восхвалить ныне проживающее в нем благочестие? Он также имеет гробницы общих отцов и учителей истины Петра и Павла, освещающие души верных. Их трижды блаженная двоица воссияла на Востоке и повсюду распространила лучи, на Западе же с готовностью приняла закат жизни, и ныне оттуда освещает Вселенную. Они явили Ваш престол самым видным; он — вершина Ваших благ. Их Бог и ныне освещает их престол, утвердив Вашу святость так, что она с него испускает лучи православия»[30].

Источники изучаемого периода вообще чрезвычайно бедны свидетельствами осмысления теми или иными авторами места и положения Римской Церкви и его епископа. Что же касается корреспондентов римского епископа, то приведенное здесь свидетельство Феодорита приходится считать чуть ли не уникальным. Следует сделать общий вывод, что этот

---

[29] Рим. 1:8.

[30] Theodoreti ep. 113. P. 56.4–58.11: Εἰ Παῦλος, τῆς ἀληθείας ὁ κήρυξ, ἡ τοῦ παναγίου Πνεύματος σάλπιγξ, πρὸς τὸν μέγαν ἔδραμε Πέτρον, ὥστε τοῖς ἐν Ἀντιοχείᾳ περὶ τῆς κατὰ νόμον πολιτείας ἀμφισβητοῦσι παρ' αὐτοῦ κομίσαι τὴν λύσιν, πολλῷ μᾶλλον ἡμεῖς οἱ εὐτελεῖς καὶ σμικροὶ, πρὸς τὸν ἀποστολικὸν ὑμῶν τρέχομεν θρόνον, ὥστε παρ' ὑμῶν λαβεῖν τοῖς τῶν Ἐκκλησιῶν ἕλκεσι θεραπείαν. Διὰ πάντα γὰρ ὑμῖν τὸ πρωτεύειν ἁρμόττει. Πολλοῖς γὰρ ὁ ὑμέτερος θρόνος κοσμεῖται πλεονεκτήμασι. Τὰς μὲν γὰρ ἄλλας πόλεις ἢ μέγεθος, ἢ κάλλος, ἢ τὸ πλῆθος τῶν οἰκητόρων κοσμεῖ· ἑνίας δὲ τούτων ἐστερημένας πνευματικά τινα λαμπρύνει χαρίσματα· τῇ δὲ ὑμετέρᾳ φορὰν ἔδωκεν ἀγαθῶν ὁ τῶν ἀγαθῶν χορηγὸς. Ἡ γὰρ αὐτὴ πασῶν μεγίστη, καὶ λαμπροτάτη, καὶ τῆς οἰκουμένης προκαθημένη, καὶ τῷ πλήθει τῶν οἰκητόρων κυμαίνουσα. Πρὸς δὲ τούτοις, καὶ τὴν νῦν κρατοῦσαν ἡγεμονίαν ἐβλάστησε· καὶ τῆς οἰκείας προσηγορίας τοῖς ἀρχομένοις μετέδωκε. Κοσμεῖ δὲ αὐτὴν διαφερόντως ἡ πίστις· καὶ μάρτυς ἀξιόχρεως ὁ θεῖος Ἀπόστολος, βοῶν ὅτι *Ἡ πίστις ὑμῶν καταγγέλλεται ἐν ὅλῳ τῷ κόσμῳ*. Εἰ δὲ εὐθὺς δεξαμένη τὰ τοῦ σωτηρίου κηρύγματος σπέρματα, τοῖς ἀξιαγάστοις τούτοις ἐβεβρίθει καρποῖς, τίς ἀπόχρη λόγος τὴν νῦν ἐν αὐτῇ πολιτευομένην εὐσέβειαν εὐφημῆσαι; Ἔχει δὲ καὶ τῶν κοινῶν πατέρων καὶ διδασκάλων τῆς ἀληθείας Πέτρου καὶ Παύλου θήκας, τῶν πιστῶν τὰς ψυχὰς φωτιζούσας, Ἡ δὲ τρισμακαρία τούτων καὶ θεία ξυνωρὶς ἀνέτειλε μὲν ἐν τῇ ἑῴᾳ, καὶ πάντοσε τὰς ἀκτῖνας ἐξέπεμψεν· ἐν δὲ τῇ Δύσει προθύμως ἐδέξατο τὰς τοῦ βίου δυσμάς, κἀκεῖθεν νῦν καταυγάζει τὴν οἰκουμένην. Οὗτοι τὸν ὑμέτερον περιφανέστερον ἀπέφηναν θρόνον· οὗτος τῶν ἀγαθῶν τῶν ὑμετέρων κολοφών. Ὁ δ' ἐκείνων Θεὸς καὶ νῦν τὸν ἐκείνων ἐλάμπρυνε θρόνον, τὴν ὑμετέραν ἁγιωσύνην ἱδρύσας ἐν τούτῳ τῆς ὀρθοδοξίας τὰς ἀκτῖνας ἀφιεῖσαν.

сам по себе вопрос не занимал христиан V в. и только непосредственные контакты с римской кафедрой давали повод выносить какие-то суждения о ее месте и роли, однако они большей частью оставались в плоскости эпистолографического этикета, требовавшего привести риторические комплименты в адрес партнера по переписке. Причем эти комплименты отражали не столько взгляд Рима на сам себя, сколько являлись плодом собственной начитанности и фантазии автора[31]. Именно в силу этого такие обращения в адрес Рима большей частью формальны и безыскусны: они не проявляют ни знания деталей собственно римской саморепрезентации, ни особого желания фантазировать на эту тему.

Не приходится сомневаться, что в случае Феодорита мы имеем дело именно с таким подходом, учитывая, что сам автор был человеком глубочайшей образованности и большого литературного дара[32]. Однако и в данном случае очевидно, что с римским взглядом на положение римской кафедры Феодорит либо недостаточно хорошо знаком, либо же он его подчеркнуто игнорирует. Он пользуется возможностью риторически соединить новозаветные сведения о месте кончины в Риме апостола Павла и несколько неопределенное по своему происхождению предание о кончине там же Петра, с которым Феодорит оказывается знаком[33]. При этом мученическая кончина в Риме двух светил христианского Востока не является для Феодорита единственным достоинством Рима: отнюдь не меньшее значение имеет и мирская слава города как владыки мира и колыбели римской державы, а также его положение среди крупнейших и наиболее населенных городов мира — именно это делает его «председательствующим во Вселенной». Наличие могил двух славнейших апостолов и авторитет веры дополняют славу города и его епископского престола, который назван престолом двух апостолов[34]. Феодорит не утверждает,

---

[31] Несколько по-иному, но в целом в таком же смысле высказывается и Э. Каспар: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 492. Он отмечает, что Феодорит не упоминает единственное, что было важно для Рима — престол святого Петра. В сущности, слова Феодорита оказываются «старыми восхвалениями, которые Восток воздавал Риму уже давно».

[32] См. анализ его послания в: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 488–490; *Jalland T.* The Life and Times... P. 244–246; *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 83–96.

[33] В качестве источника сведений Феодорита Ш. Хорн вполне очевидно называет «Церковную историю» Евсевия Кесарийского, ее вторую книгу: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 85. Ср.: *Caspar E.* Geschichte des Papsttums... Bd. 1. S. 492.

[34] Посредством изощренной экзегезы Ш. Хорн стремится показать, что Феодорит воспринимал Петра как более высокого апостола нежели Павел и потому, рассуждая о принадлежности римской кафедры двум апостолам, приоритет отдавал всё равно Петру: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 89. По нашему мнению, рассуждение Хорна вызвано мотивами католической апологетики и никак не основано на словах Феодорита.

что епископат или престол был основан в Риме кем-то из апостолов — он говорит лишь, что они «явили его <...> самым видным» и в этом смысле он — их престол[35]. Как таковой он пользуется особым благословением Бога, дающего римскому епископу возможность «испускать с него лучи православия»[36]. Как следствие, Феодорит не утверждает, что апостолы действуют как бы со своего престола или что римский папа является инструментом действий апостолов. Апостолы как таковые не оказываются посредниками между Богом и римским епископом, как это постулировалось взглядом Льва на место апостола Петра. По сути дела, Феодорит отрицает здесь, осознанно или нет, центральный пункт петринологии Льва и его предшественников[37], по вполне очевидным причинам избавлявшихся от памяти об апостоле Павле как сооснователе духовного престижа Рима.

Очевидно, для более традиционного сознания Феодорита было гораздо важнее, что к Риму одновременно имеют отношение два апостола, хотя такой случай не является уникальным, поскольку то же самое касалось и Антиохии, исторически связанной с обоими апостолами. Тем самым, именно совокупность всех факторов, включая светское положение города, делает Рим первенствующим и, тем самым, создает особый престиж его престолу. Таким образом, произнеся искусную похвалу Риму, фактически Феодорит выделил именно светские основы выдающегося положения Рима среди прочих городов и Церквей, поскольку всё остальное уравнивало Рим с другими городами Востока, прежде всего с Антиохией и Иерусалимом, но также и с Александрией[38].

---

[35] Употребленная здесь лексика (ἀποφαίνω, περιφανής) указывает не на учреждение престола, а на его, так сказать, «подсветку» апостолами.

[36] Таким образом, апостолы как бы светят собственным светом, в то время как применительно ко Льву подчеркивается источник света — Бог. Этот момент не учитывает в своих рассуждениях Ш. Хорн: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 87.

[37] См.: *Грацианский М.В.* Haeres Petri sive vicarius Petri: Обоснование исключительных властных прерогатив римского епископа папой Львом Великим // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 89. С. 27–48.

[38] В послании римскому пресвитеру Ренату Феодорит подчеркивает неизменное православие Рима, благодаря которому у него есть «предводительство Церквами во Вселенной» (τῶν κατὰ τὴν οἰκουμένην Ἐκκλησιῶν τὴν ἡγεμονίαν: Theodoreti ep. 116. P. 70.19–20). Однако по факту критерий православия Рима — совпадение взглядов Льва со взглядами Феодорита. Не будь этого, не было бы ни православия, ни «предводительства во Вселенной». Ср. это с отмеченным Ш. Хорном более ранним скепсисом Феодорита в отношении перспектив Эфесского собора 449 г., несмотря даже на участие в нем Рима: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 90. Anm. 39. Т. е. еще незадолго до письма ко Льву и Ренату у Феодорита не было представления о том, что Рим в любом случае предводительствует всеми Церквами и ведет их к торжеству правой веры.

«Апостольский характер» (τὸν ἀποστολικὸν ὑμῶν χαρακτῆρα) римского епископа[39] проявился далее, по мнению Феодорита, в изложении богословских мнений: он сообщает, что прочел (ἐντετυχήκαμεν) рассуждения Льва о вочеловечении Бога-Спасителя и подивился их точности. Далее он приводит взгляд Льва на свойства двух природ во Христе таким образом, что он по сути дела воспроизводит собственное богословие Феодорита Кирского, бывшего главным авторитетом этого направления мысли в тот период[40]. Из краткого экскурса Феодорита невозможно, на наш взгляд, доподлинно установить, действительно ли он читал послание Льва к Флавиану, однако именно это он и утверждает[41].

Тем не менее Феодорит констатирует у Льва наличие «духовной мудрости» (πνευματικὴν σοφίαν), в силу чего обращается к нему с мольбой прийти на помощь страждущей Церкви. Избавления от бед Феодорит ожидал уже от прибытия в Эфес посланников римского епископа, однако там, говорит он, «мы подпали под еще более тягостное сотрясение» (χαλεπωτέρᾳ περιπεπτώκαμεν ζάλῃ). «Праведнейший» (δικαιότατος) Диоскор Александрийский помимо прочих совершенных насилий еще и низложил отсутствовавшего на Соборе Феодорита, предварительно даже не вызвав того в суд: «Он, воспитанный в божественных законах, осудил нас, отстоящих в тридцати пяти переходах, как хотел»[42]. Феодорит упоминает о своих заслугах борца с ересями и пастыря большой паствы, несмотря на которые, он теперь оказался «осужденным без суда» (μὴ δικασάμενος κατεκρίθην).

Непосредственно после этого Феодорит переходит к сути своего обращения к римскому епископу: «Я ожидаю решения Вашего апостольского

---

[39] В данном случае это скорее является характеристикой личных достоинств Льва, нежели должностных. Это подтверждается также касающейся Льва фразой Феодорита в письме константинопольскому патрикию Анатолию. Там Феодорит, констатируя, что написанное Львом соответствует тому, то он сам всегда писал, говорит, что Лев «в том, что написал, поистине сохранил апостольский характер» (ἀληθῶς γὰρ τὸν ἀποστολικὸν ἐν οἷς ἔγραψε διεψύλαξε χαρακτῆρα: Theodoreti ep. 121. P. 84.10–11). Достоинство богословских взглядов Льва для Феодорита, тем самым, состоит именно в совпадении с его собственными взглядами. Благодаря этому Льву удалось «сохранить апостольский характер», который оказывается переменным следствием, а не постоянным атрибутом конкретного римского епископа. Не напиши Лев то, что было согласно с воззрениями Феодорита, едва ли бы последний заговорил об «апостольском характере» понтифика.

[40] См.: *Clayton P.B.* The Christology of Theodoret of Cyrus. Antiochene Christology from the Council of Ephesus (431) to the Council of Chalcedon (451). Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 215–282.

[41] Theodoreti ep. 113. P. 60.8–9: Ταῦτα καὶ ὅσα τούτοις ἐστὶ συγγενῆ, περιεῖχε τὰ γράμματα.

[42] Theodoreti ep. 113. P. 62.8–10: Ἡμᾶς δὲ ὁ τοῖς θείοις νόμοις ἐντεθραμμένος πέντε καὶ τριάκοντα σταθμοῖς ἀφεστηκότας κατέκρινεν ὡς ἐθέλησε.

престола, умоляю и припадаю к Вашей святости прийти на защиту мне, взывающему о Вашем правом и справедливом судилище, и приказать прибыть к Вам и преподать мне учение, идущее апостольскими следами»[43].

Он вновь указывает на свои заслуги, теперь уже в деле написания богословских и полемических сочинений и просит не отвергнуть его просьбу: «Прежде всего я молю узнать от Вас, следует ли мне смириться с этим несправедливым низложением, или нет, ведь я ожидаю Вашего решения. Даже если прикажете мне придерживаться осуждения, я соглашусь и впредь уж не буду докучать никому, но дождусь непреклонного суда нашего Бога-Спасителя»[44]. Прося оказать ему помощь, Феодорит сообщает Льву, что посылает к нему своих доверенных лиц, поскольку на самом деле, несмотря на выраженную выше готовность прибыть к римскому епископу, не имеет возможности сделать этого, ибо «связан императорскими грамотами» (τὰ τῶν βασιλικῶν γραμμάτων ἐπέσχε δεσμά). Именно через них он просит Льва разрешить дело.

Таким образом, послание Феодорита представляет собой наиболее своеобразный способ обратиться в Рим с апелляцией. Будучи заочно осужден, он добивается в Риме заочного оправдания. При этом на основании императорского распоряжения он находится под домашним арестом, однако единственный из всех апеллянтов оговаривает возможность действовать в Риме через своих представителей. Феодорит в наименьшей степени обеспокоен процедурными моментами и не обсуждает, в какой мере поданный им иск соответствует компетенции римского суда: в ней он, впрочем, не сомневается.

Итак, в нашем распоряжении имеются три весьма примечательные апелляции к римскому епископу, важные среди прочего тем, что сохра-

---

[43] Theodoreti ep. 113. P. 64.5–9: Ἐγὼ δὲ τοῦ ἀποστολικοῦ ὑμῶν θρόνου περιμένω τὴν ψῆφον· καὶ ἱκετεύω καὶ ἀντιβολῶ τὴν σὴν ἁγιότητα, ἐπαμῦναί μοι τὸ ὀρθὸν ὑμῶν καὶ δίκαιον ἐπικαλουμένῳ κριτήριον, καὶ κελεῦσαι δραμεῖν παρ' ὑμᾶς, καὶ ἐπιδεῖξαί μου τὴν διδασκαλίαν τοῖς ἀποστολικοῖς ἴχνεσιν ἑπομένην.

[44] Theodoreti ep. 113. P. 64.21–25: Πρὸ δὲ πάντων, μαθεῖν ἀντιβολῶ παρ' ὑμῶν, εἴτε χρή με στέρξαι τὴν ἄδικον ταύτην καθαίρεσιν, εἴτε μή· τὴν γὰρ ὑμετέραν προσμένω ψῆφον. Κἂν κελεύσητε τοῖς καταψηφισαμένοις ἐμμεῖναι, ἐμμενῶ καὶ οὐδενὶ ἀνθρώπων ἐνοχλήσω λοιπόν. ἀλλὰ μενῶ τὸ ἀκλινὲς τοῦ Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν κριτήριον. Нельзя не отметить некоторую эмоциональность обращения Феодорита и его невнимание к вопросам статуса Римского собора и в целом процедуры. Ср. рассуждения Ш. Хорна: *Horn St.O.* Petrou Kathedra... S. 91–92. См. там же важное замечание о нереалистичности получения находящимся под домашним арестом Феодоритом в Константинополе разрешения отправиться на Запад для рассмотрения своего дела. В сущности, эта непреодолимая техническая проблема, которую надо было решать на уровне императора, характеризует историю с обращением Феодорита как попытку, заранее обреченную на неудачу и только по счастливой и непредвиденной случайности нашедшую свое разрешение в ходе Халкидонского собора 451 г.

нившихся текстов подобных апелляций для периода поздней Античности вообще немного. Они демонстрируют, что лица, оказавшиеся в одинаковых затруднительных обстоятельствах, видят роль римского епископа довольно различно. Наиболее высокопоставленный апеллянт — Флавиан Константинопольский — видит возможности римской кафедры как института, могущего содействовать проведению нового Вселенского собора. С точки правовой процедуры и канонов, это наиболее корректный взгляд, поскольку решения одного Собора может пересмотреть только бóльший Собор и это не Собор Римской Церкви, а Собор с широким представительством как Запада, так и Востока. Несмотря на то, что папа Лев в сотрудничестве с западным двором пошел именно по этому пути, созыв такого Собора оказался невозможным ввиду твердой позиции, занятой восточным императором. Тем самым Флавиан рассматривает Рим как лишь одну из «великих кафедр», каждая из которых в принципе может инициировать рассмотрение того или иного дела на межрегиональном уровне и, как следствие, добиться у императора созыва Вселенского собора.

Два других апеллянта рассматривали суд римского епископа как суд полноценной апелляционной инстанции, однако, по-видимому, подразумевали, что решение римского суда послужит лишь преюдицией (praeiudicium) для решения их дел на Востоке, поскольку очевидно, что никаких непосредственных правовых следствий римское решение там иметь не могло, будучи не в состоянии перевесить императорские распоряжения и постановления компетентных Соборов. Уже ближайшее развитие событий показало, что решение проблем Флавиана, Феодорита и Евсевия лежало в плоскости проведения более масштабного Вселенского собора, созыв которого зависел исключительно от доброй воли восточного императора.

References

Camelot, P.Th. *Éphèse et Chalcédoine*. Paris, 1962.

Caspar, E. *Geschichte des Papsttums von den Anfängen bis zur Höhe der Weltherrschaft*. Vol. 1. Tübingen, 1930.

Clayton, P.B. *The Christology of Theodoret of Cyrus. Antiochene Christology from the Council of Ephesus (431) to the Council of Chalcedon (451)*. Oxford, 2007.

De Vries, W. “Das Konzil von Ephesus (449), eine Räubersynode?” *Orientalia Christiana Periodica* 41 (1975). P. 357–398.

Dydynskii, F. *Latinsko-russkii slovar’ k istochnikam rimskogo prava. Po izdaniiu 1896 goda [Latin-Russian Dictionary of Sources of Roman Law. According to the 1896 Edition]*. Moscow, 1997 (in Russian).

Gratsianskiy, M.V. “Council of Ephesus of 431: Between ‘Apostatic Synedrion’ and ‘Universal Council’.” *Antichnaia drevnost’ i Srednie veka* 52 (2024). P. 83–100 (in Russian).

Gratsianskiy, M.V. "Haeres Petri sive vicarius Petri. Arguments of Pope Leo the Great for the Exceptional Prerogatives of Power for the Bishopof Rome." *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* 89 (2019). P. 27–48 (in Russian).

Gratsianskiy, M.V. "Participation of the Roman See in the Council of Ephesus in 449." *Istoricheskii vestnik* 54 (2025). In print (in Russian).

Gratsianskiy, M.V. "Podgotovka papy L'va Velikogo k uchastiiu v Ehfesskom sobore 449 g. po materialam ego perepiski [Preparation of Pope Leo the Great for Participation in the Council of Ephesus in 449 Based on His Correspondence]." In *ΔΙΔΑΣΚΑΛΟΣ ΚΑΙ ΣΟΦΟΣ. Sbornik statei k 90-letiiu I.P. Medvedeva*, ed. by L.A. Gerd. Saint-Petersburg, 2025. P. 126–140 (in Russian).

Gratsianskiy, M.V. "The Roman See on the Eve of the Council of Ephesus in 449 A.D." In *Vizantiiskii klub. Al'manakh. 2025. K 60-letiiu professora N.N. Bolgova*, ed. I.V. Denisova. Belgorod, 2025. P. 86–98 (in Russian).

Horn, St.O. *Petrou Kathedra. Der Bischof von Rom und die Synoden von Ephesus (449) und Chalcedon*. Paderborn, 1982.

Jalland, T. *The Life and Times of St. Leo the Great*. London; New York, 1941.

Leuenberger-Wenger, S. *Das Konzil von Chalcedon und die Kirche. Konflikte und Normierungsprozesse im 5. und 6. Jahrhundert*. Leiden; Boston, 2019 (Supplements to Vigiliae Christianae, 153).

Menze, V.L. *Patriarch Dioscorus of Alexandria. The Last Pharaoh and Ecclesiastical Politics in the Later Roman Empire*. Oxford, 2023.

Schwartz, E. "Der Prozess des Eutyches." *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung* 5 (1929). S. 53–93.

Wojtowytsch, M. *Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I. (440–461). Studien zur Entstehung der Überordnung des Papstes über Konzile*. Stuttgart, 1981 (Päpste und Papsttum, 17).